

Джон Ле Карре
**ГОЛУБИНЫЙ
ТУННЕЛЬ** ИСТОРИИ
ИЗ МОЕЙ
ЖИЗНИ

*Перевод с английского
Любови Трониной*

издательство АСТ
Москва

ГЛАВА 1

К своей спецслужбе относись по-людски

Я знаю, кто ты! — орет Дэнис Хили, бывший министр обороны Великобритании от лейбористской партии (дело происходит на частной вечеринке, куда нас обоих пригласили, и Дэнис пробирается ко мне от дверей и протягивает руки). — Коммунистический шпион, вот кто! Сознайся!

Я и сознаюсь, ведь в такой ситуации хорошие парни во всем сознаются. А окружающие, в том числе слегка встревоженный хозяин вечеринки, хохочут. Я тоже хохочу, потому что хороший парень и шутки понимаю не хуже других, а еще потому, что Дэнис Хили, может, и монстр лейбористской партии и политический скандалист, но еще он видный ученый, гуманист, я им восхищаюсь и к тому же он на пару стаканчиков меня опередил.

— Скотина ты, Корнуэлл! — вопит мне через всю комнату мужчина средних лет, офицер МИ-6 и мой бывший коллега, а группа вашингтонских инсайдеров тем временем собирается на дипломатический прием, организованный британским послом. — Скотина чистокровная!

Он не ожидал встретить меня здесь, но, встретив, обрадовался, ведь теперь-то может высказать все, что думает обо мне, опорочившем доброе имя нашей Службы — нашей проклятой Службы, будь она проклята! — и выставившем дураками мужчин и женщин, которые любят свою страну и не могут мне

ответить. Он стоит передо мной, набычился, кажется, готов уже на меня броситься, и если бы чья-то дипломатичная рука не придержала его, заставив отступить на шаг, на следующий день газетчики повеселились бы как следует.

Болтовня за коктейлями постепенно возобновляется. Но прежде я выясняю, какая именно книга засела у него в печенках: не “Шпион, пришедший с холода”, а последовавшая за ней “Война в Зазеркалье” — мрачная повесть о британско-польском агенте, которого послали на задание в Восточную Германию да там и бросили погибать. К несчастью, во времена, когда мы вместе работали, Восточная Германия относилась к епархии моего обвинителя. Я подумал, не рассказать ли ему про недавно ушедшего в отставку директора ЦРУ Аллена Даллеса, заявившего, что эта книга намного правдивей своей предшественницы, но побоялся еще больше распалить бывшего сослуживца.

— Мы, значит, безжалостные? Безжалостные, да к тому же профаны! Премного благодарен!

Мой разъяренный экс-коллега не одинок. Вот уже пятьдесят лет, хоть и не столь запальчиво, меня снова и снова упрекают в том же самом — это не стговор и не угроза, это рефреном звучат голоса уязвленных мужчин и женщин, полагающих, что их работа и вправду необходима.

— Зачем ты к нам цепляешься? Сам же знаешь, что у нас и как.

А иные язвят:

— Ну что, нажился на нас? Теперь, может, оставишь на время в покое?

И кто-нибудь обязательно напомнит жалобно, что Служба ведь ничем не может ответить, что перед антипропагандой она беззащитна, что ее успехам надлежит оставаться безвестными, а прославиться она может только своими провалами.

— Разумеется, мы вовсе не такие, как описывает наш общий друг, — строго сообщает за обедом Морис Олдфилд сэру Алексу Гиннессу.

Олдфилд — бывший глава британской разведки, в свое время брошенный Маргарет Тэтчер на произвол судьбы, но к мо-

менту встречи, о которой идет речь, он всего лишь старый разведчик в отставке.

— Всю жизнь мечтал познакомиться с сэром Алеком, — задушевно сообщил мне Олдфилд на своем североанглийском диалекте, когда я пригласил его на обед. — С тех пор как мы вместе в поезде из Винчестера ехали — я напротив сидел. И заговорил бы с ним тогда, да духу не хватило.

Гиннесс будет играть моего Джорджа Смайли, секретного агента, в экранизации романа “Шпион, выйди вон!”, которую снимает Би-би-си, и хочет испробовать, каково это — общаться с настоящим старым разведчиком. Но вопреки моим надеждам обед проходит не слишком гладко. За закусками Олдфилд принимается рассказывать, сколь безупречна в этическом смысле Служба, где он работал, и намекать в самой деликатной манере, что “наш юный Дэвид” опорочил ее доброе имя. Гиннессу, бывшему морскому офицеру, который, едва познакомившись с Олдфилдом, сразу обосновался в высших эшелонах разведки, остается только глубокомысленно качать головой и соглашаться. За камбалой Олдфилд развивает свое утверждение:

— Это из-за юного Дэвида и таких, как он, — объявляет Олдфилд, игнорируя меня, сидящего рядом, Гиннессу, сидящему напротив, — Службе все труднее вербовать достойных сотрудников и информаторов. Книги Дэвида отвращают людей от такой работы. Что вполне естественно.

Гиннесс в ответ прикрывает глаза и качает головой в знак сожаления, а я тем временем плачу по счету.

— Вам нужно вступить в “Атенеум”*, Дэвид, — говорит Олдфилд мягко, намекая, видимо, что “Атенеум” каким-то образом поможет мне стать лучше. — Я лично буду вас рекомендовать. Вот так. Вам ведь этого хотелось бы, правда?

А потом, когда мы втроем уже стоим на пороге ресторана, Гиннессу:

* Лондонский клуб для интеллектуальной элиты.

— Я очень рад, Алек. Признаться, даже польщен. Мы непременно побеседуем снова в самом скором времени.

— Непременно побеседуем, — воодушевленно соглашается Гиннесс, и два старых разведчика жмут друг другу руки.

Очевидно, не успев насладиться обществом нашего уходящего гостя, Гиннесс увлеченно следит, как Олдфилд — маленький, энергичный, целеустремленный джентльмен — тяжелой поступью шагает по мостовой, а затем, выставив вперед зонт, скрывается в толпе.

— Может, по рюмочке коньяку на дорожку? — предлагает Гиннесс и, едва мы успеваем снова сесть за стол, начинает допрос:

— Эти безвкусные запонки. Что, все наши разведчики такие носят?

Нет, Алек, наверное, Морису просто нравятся безвкусные запонки.

— А кричащие рыжие ботинки из замши на каучуковой подошве? Для того чтобы ходить бесшумно?

Наверное, просто для удобства, Алек. Вообще-то каучуковая подошва скрипит.

— И вот еще что мне скажите. — Он хватает пустой стакан, наклоняет и постукивает по нему кончиком пухлого пальца. — Я видел, когда делают так. (Сэр Алек разыгрывает маленький спектакль — пристально и задумчиво глядит в стакан, продолжая по нему постукивать.) — Видел, когда делают так. (Теперь он водит пальцем по краю бокала все с тем же отрешенным видом.) — Но чтобы делали вот так, вижу впервые. (Он засовывает палец в стакан и проводит по внутренней стенке.) — Как вы думаете, Олдфилд искал следы яда?

Он это серьезно? Сидящий внутри Гиннесса ребенок серьезен как никогда. Я намекаю, что Олдфилд, получается, искал следы яда, который уже выпил. Но Алек предпочитает не обращать внимания на мои слова.

Замшевые ботинки Олдфилда, на каучуковой подошве или какой другой, и сложенный зонт, который он выставял вперед, прощупывая перед собой дорогу, вошли в историю индустрии

развлечений, став неотъемлемыми атрибутами гиннессовского Джорджа Смайли — старого, вечно спешащего разведчика. Насчет запонок теперь уже не знаю, но нашему режиссеру, помню, они казались слегка карикатурными, и он уговаривал Гиннесса поменять их на что-нибудь поскромнее.

Другое последствие нашего совместного обеда оказалось менее приятным, хотя и более продуктивным в художественном плане. Неприязнь, которую Олдфилд питал к моему творчеству — да и ко мне лично, полагаю, — пустила глубокие корни в сердце актера Гиннесса, и он не погнушался напомнить мне об этом, когда почувствовал необходимость показать растущее в душе Джорджа Смайли чувство стыда, намекая, что такое же чувство должен испытывать и я сам.

Вот уже сто лет, а то и больше наших британских разведчиков и строптивых авторов шпионских романов связывают драматические, а порой забавные отношения — они друг друга любят и ненавидят. Как и авторам, разведчикам нужен имидж, романтический образ, однако терпеть насмешки они не намерены — ни от Эрскина Чайлдерса и Уильяма Ле Ке, ни от Эдварда Филлипса Оппенгейма, которые возбудили такую антигерманскую истерию, что вполне могут причислить себя к тем, кто прежде всего способствовал появлению на свет постоянно действующей службы безопасности. До этого одни джентльмены якобы не читали писем других джентльменов, пусть даже на самом деле многие джентльмены очень даже читали. В годы Первой мировой зазвучало имя Сомерсета Моэма — писателя и агента британской разведки — не лучшего, согласно большинству оценок. Когда Уинстон Черчилль заявил, что, написав “Эшендена”, Моэм нарушил закон о государственной тайне*, и выразил не-

* Источник: “Секретная служба” (*Secret Service*) Кристофера Эндрю, вышедшая в 1985 году в издательстве Уильяма Хейнемана (*Прим. автора*).

удовольствие по этому поводу, тот, опасаясь уже готового разразиться гомосексуального скандала, сжег 14 неопубликованных рассказов и отложил публикацию остальных до 1928 года.

Писателя и биографа Комптона Маккензи, шотландского националиста, запугать было не так просто. Во время Первой мировой войны его комиссовали из армии, перевели в МИ-6, и Маккензи стал начальником — компетентным, надо сказать, — британской контрразведки в сохранявшей нейтралитет Греции. Однако начальство и его приказы частенько казались ему нелепыми, и Комптон, по писательскому обыкновению, их высмеивал. В 1932-м его осудили за нарушение государственной тайны и оштрафовали на 100 фунтов стерлингов — за публикацию автобиографической книги “Греческие мемуары”, в которой Маккензи и в самом деле слишком много себе позволил. Однако эта история ничему его не научила, и через год Маккензи отомстил, опубликовав свою сатиру “Разжижение мозгов”. Я слышал, что в досье Маккензи в МИ-5 имеется среди прочего набранное огромным шрифтом письмо, адресованное генеральному директору службы безопасности и подписанное ручкой с зелеными чернилами, которую традиционно использовал глава секретной службы.

“Хуже всего, — пишет он своему собрату по оружию на другой стороне Сент-Джеймского парка, — что Маккензи раскрыл настоящие шифры, используемые сотрудниками секретной службы в переписке*, а некоторые из них используются до сих пор”. Довольный призрак Маккензи, наверное, потирал руки.

Но самый смелый писатель-перебежчик из МИ-6, само собой, Грэм Грин — я, правда, не знаю, догадывался ли он, как близок был к тому, чтобы предстать перед судом Олд-Бейли** следом за Маккензи. Одно из самых заветных моих воспоминаний, относящееся к концу 50-х годов, — как мы встретились

* Письма эти обычно начинались с трехбуквенного шифра, обозначавшего подразделение МИ-6, затем следовал номер, указывавший на сотрудника подразделения (*Прим. автора*).

** Центральный уголовный суд в Лондоне.

за чашечкой кофе в первоклассном буфете штаб-квартиры секретной службы с одним из юристов МИ-5. Он был добрый малый, курил трубку и походил скорее на семейного стряпчего, чем на чиновника, но в то утро выглядел весьма встревоженным. К этому юристу на стол попал сигнальный экземпляр “Нашего человека в Гаване”, и он уже дочитал роман до середины. Когда я сказал, что ему повезло и я ему завидую, он вздохнул и покачал головой. Этого Грина, говорит, должны судить. Он использовал информацию, которой владел, будучи в военное время офицером МИ-6, и в точности описал, как глава резидентуры в британском посольстве контактирует с полевым агентом. Грина следовало бы посадить в тюрьму.

— И главное, книга хорошая, — сетовал он. — Чертовски хорошая книга. Вот ведь в чем беда.

Я шерстил газеты — искал новость об аресте Грина, но он гулял себе на свободе. Может, тузы МИ-5 подумали и решили, что смеяться тут лучше, чем плакать. За этот акт милосердия Грин отблагодарил их через двадцать лет, изобразив в своем “Человеческом факторе” уже не просто болванами, а убийцами. Но предупредительный выстрел МИ-6, видимо, все же сделала. В предисловии к “Человеческому фактору” Грин осмотрительно уверяет нас, что закона о государственной тайне не нарушал. Если сможете раздобыть один из ранних экземпляров “Нашего человека в Гаване”, найдете там такое же заявление об отказе от ответственности.

История, однако, показывает, что наши грехи в конце концов прощены. Маккензи окончил свои дни рыцарем, Грин — кавалером ордена “За заслуги”.

— Сэр, в вашем новом романе один человек говорит о главном герое, что он не стал бы предателем, если б умел писать. Скажите, пожалуйста, кем бы стали *вы*, если бы не умели писать? — спрашивает меня серьезный американский журналист.

Размышляя, как бы поосторожней ответить на этот опасный вопрос, я думаю одновременно, а не должны ли, если уж на то пошло, наши секретные службы быть благодарны пи-

сателям-перебежчикам? По сравнению с адом крошечным, который мы могли бы устроить другим способом, наши сочинения безобидны, как игра в кубики. Бедные шпионы, которым теперь не дают покоя, наверное, думают, что уж лучше бы Эдвард Сноуден написал роман.

Так что я должен был ответить тогда, на дипломатической вечеринке, своему взбешенному экс-коллеге, который еще чуть-чуть и уложил бы меня на пол? Без толку напоминать, что в некоторых книгах я изобразил британское разведуправление более компетентной организацией, чем мне когда-либо приходилось видеть на самом деле. Или что один из самых высокопоставленных его офицеров так отозвался о “Шпионе, пришедшем с холода”: “За всю историю это, черт возьми, единственная удачная операция с двойным агентом”. Или, что, описывая в романе, так его рассердившем, ушедшие в прошлое военные игры обособленного британского ведомства, я, вероятно, преследовал несколько более серьезные цели, нежели грубо оскорбить его Службу. И упаси меня бог, вздумай я утверждать, что, если уж писатель взялся за такое нелегкое дело — изучать характер нации, может, ему как раз следует обратить внимание на национальные спецслужбы. Я б и двух слов не успел сказать, как уже лежал бы на полу.

А насчет того, что Служба не может мне ответить, я, наверное, так скажу, и вряд ли ошибусь: ни в одном другом западном государстве пресса так не нянчится с разведчиками, как у нас. Наша система цензуры — добровольной ли или предписанной туманными и слишком суровыми законами, — наше умение обзаводиться друзьями и коллективная британская покорность тотальному надзору, который обеспечивают двусмысленные требования законодательства, — наверное, предмет зависти шпионов всех стран свободного и несвободного мира.

Без толку говорить и о многочисленных “одобренных” мемуарах бывших работников Службы, где она предстает в таком обличье, которое скорее всего вызовет восхищение; или об “официальных историях”, где самые чудовищные ее преступления снисходительно завуалированы; или о бесконечных статьях в отечественных газетах, состряпанных после обедов, гораздо более приятных, чем тот, за которым я наслаждался обществом Мориса Олдфилда.

Или, может, вот о чем намекнуть моему разгневанному приятелю: писатель, показывая, что профессиональные разведчики всего лишь люди и, как все остальные, не застрахованы от ошибок, оказывает обществу скромную услугу и даже действует во благо демократии, да поможет нам бог, ведь в Британии спецслужбы и по сей день, как бы там ни было, остаются колыбелью нашей политической, социальной и экономической элиты?

Вот на этом, дорогой мой бывший коллега, и заканчивается мое вероломство. И на этом, дорогой лорд Хили, ныне покойный, заканчиваются мои коммунистические идеи, чего, между прочим, нельзя было сказать о вас в дни вашей молодости. Сейчас, по прошествии полувека, трудно передать атмосферу недоверия, царившую в конце пятидесятых — начале шестидесятых в коридорах Уайтхолла, где вершились секретные дела. Когда в 1956-м меня официально зачислили в МИ-5 младшим офицером, мне было двадцать пять. Сказали, будь я хоть немного моложе, не подошел бы. “Пятерка”, как мы ее называли, считала себя зрелой организацией и гордилась этим. Увы, никакая зрелость не помогла ей избежать вербовки таких знаменитостей, как Гай Бёрджесс и Энтони Блант, и других отчаянных предателей того времени, чьи имена остаются в памяти британцев подобно именам известных некогда футболистов.

От работы в Службе я ожидал многого. До сих пор мои шпионские подвиги были весьма скромны, но я успел войти во вкус. Мои офицеры-кураторы все как один оказались людьми приятными, опытными и деликатными. Благодаря им я задумался о призвании, вспомнил забытое со школьных времен

чувство, что я должен стараться. Будучи офицером британской разведки в Австрии, я благоговел перед загадочными гражданскими, время от времени посещавшими наш лагерь в Граце и придававшими этому скучнейшему месту таинственность, которой во все остальное время ему, увы, недоставало. Только попав в цитадель, откуда они приходили, я спустился — нет, шлепнулся — с небес на землю.

Шпионить за пришедшей в упадок Коммунистической партией числом 25 тысяч человек — ее МИ-5 нужно было охватить сетью осведомителей — мне не хотелось, это не соответствовало моим амбициям. То же касается и двойных стандартов, использовавшихся Службой для подпитки амбиций собственных. МИ-5 так или иначе выступала моральным арбитром частной жизни британских госслужащих и научных работников. В результате проверок, проводившихся в то время, было установлено, что гомосексуалы и другие люди с выявленными отклонениями легко поддаются шантажу, следовательно, их отстраняли от секретной работы. При этом Служба, кажется, спокойно игнорировала гомосексуалов в своих рядах, а сам генеральный директор открыто жил со своей секретаршей — на неделе, а по выходным — с женой; дошло даже до того, что он оставлял письменные инструкции ночному дежурному на случай, если позвонит жена и поинтересуется, где он. Но боже упаси машинистку из канцелярии надеть юбку, которая покажется кому-нибудь слишком короткой, слишком узкой, а женатого референта — пялиться на эту машинистку.

Если в высших эшелонах Службы сидели дряхлеющие ветераны Второй мировой, то средний слой составляли бывшие солдаты колониальной полиции и окружные офицеры, в съезжившейся Британской империи оставшиеся не у дел. Может, умирять непокорных туземцев, у которых хватило дерзости отвоевывать собственную страну, они и умели, однако, когда понадобилось охранять родину, которую они едва знали, им пришлось трудновато.